

Информационно-аналитический центр «СОВА»

сентябрь 2007 г.

Антиэкстремистское законодательство и его применение

Этот доклад призван дать общее представление о том, как устроена и функционирует совокупность правовых норм, называемых нами «антиэкстремистским законодательством», проанализировать поправки, внесенные в него в 2006 и 2007 годах, а также имеющуюся практику применения за все пять лет его существования.

Закон «О противодействии экстремистской деятельности» и связанные с ним поправки в другие законы были вызваны к жизни реальными проблемами, хотя с самого начала возникали подозрения, что это законодательство может быть использовано для неправомерного ограничения гражданских свобод по политическим или иным мотивам. Применение новых норм первоначально было лишь единичным, но в последние два года оно заметно расширяется. К сожалению, умножаются, и даже опережающими темпами, также и случаи злоупотребления антиэкстремистскими нормами, чему в немалой степени способствуют изначальные пороки закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Доклад основан на информации, собранной на сайте Центра «СОВА» (<http://sova-center.ru>) в разделе «Неправомерный антиэкстремизм».

Содержание

Структура антиэкстремистского законодательства.....	3
Анализ поправок 2006 года.....	6
Анализ поправок 2007 года.....	7
Применение уголовных санкций.....	9
Неправомерное применение статей УК.....	10
Санкции в отношении организаций.....	12
Неправомерное применение санкций против организаций.....	12
Санкции в отношении СМИ.....	14
Неправомерное применение санкций против СМИ.....	15
Иные виды санкций.....	16
Признание материалов экстремистскими.....	16
Запреты в ходе избирательных кампаний.....	17
Административные запреты и вмешательство.....	17
Приложение. Определение экстремизма.....	18

Центр «СОВА»

Сайт: <http://sova-center.ru>

Тел./факс: +7 (495) 730-34-13

E-mail: mail@sova-center.ru

Структура антиэкстремистского законодательства

Закон «О противодействии экстремистской деятельности» был принят в июле 2002 года. Он дает определение такой деятельности (понятие «экстремизм» ей, согласно закону, синонимично) и устанавливает специальные процедуры наказания за экстремизм для общественных объединений любого типа (кроме политических партий, для которых процедуры не изменились) и средств массовой информации. Именно организации (зарегистрированные или нет) и СМИ – основные объекты этого закона.

Одновременно были приняты поправки в целый ряд других законов. В первую очередь – для приведения их в соответствие с законом «О противодействии экстремистской деятельности». Но поправки были внесены также в Уголовный кодекс (УК) и в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП), где установлены новые составы преступлений и правонарушений, связанных с экстремистской деятельностью. Следует подчеркнуть, что экстремизм сам по себе не является наказуемым для человека, если его действия не могут быть описаны статьями УК или КоАП, но является наказуемым для организации или СМИ.

Далее закон «О противодействии экстремистской деятельности» и совокупность принятых в связи с ним поправок в другие законы мы будем для краткости именовать Законом 2002 года, хотя поправки продолжали вноситься и в последующий период.

Определение экстремизма в Законе 2002 года не увязано с обыденным или политологическим значением слова «экстремизм». Определение вообще не содержит никаких родовых признаков, оно дано простым перечнем деяний, так что этот перечень всегда может быть изменен как угодно. И с тех пор он уже был изменен дважды. Определение приводится в Приложении (разными шрифтами там показана динамика вносившихся в него изменений).

Определение экстремизма изначально включало весьма разнородные деяния. Их список был расширен в 2006 году и существенно сокращен в 2007 году, но по-прежнему остается чрезмерно пестрым. Далее мы, если не оговорено иное, опираемся на последнюю версию определения.

Экстремизм включает действительно крайне опасные деяния, такие как попытки свержения конституционного строя и «террористическая деятельность» (определяется она в соответствующем законе; фактически реальная террористическая деятельность преследуется без использования механизмов антиэкстремистского законодательства).

Он включает деяния, похожие по описанию на криминальные, но вне контекста УК понимаемые шире, чем криминальные, так как отсутствует ключевой для уголовного преступления признак особой общественной опасности. Это относится, например, к такому важному пункту определения, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Таким образом, под этот пункт подпадают как уголовные преступления, описываемые ст. 282 УК (возбуждение ненависти или вражды по ряду групповых признаков, включая эти четыре), так и сходные, но не уголовные деяния, так что газета может быть закрыта за публикацию, автор которой не будет привлечен к уголовной ответственности (например, именно так была закрыта в 2005 году газета Национал-большевистской партии (НБП) «Генеральная линия»).

Есть в списке деяния, опасность которых варьируется от очень значительной до очень незначительной. Таково, например, воспрепятствование законной деятельности государственных органов и иных организаций, сопряженное с насилием или угрозой насилия. Ведь насилие может быть и грубым, и незначительным, а угрозы могут быть и вовсе нереалистичными. Более того, сам инцидент может не быть мотивирован намерением воспрепятствовать деятельности, а стать побочным следствием, например, бытового конфликта.

Специальные санкции за некоторые деяния вовсе сомнительны. Например, «экстремизмом» является утверждение религиозного превосходства, естественное для весьма многих религиозных людей и не представляющее общественной опасности.

Согласно определению, любое, даже сугубо техническое, содействие экстремистским действиям также признается экстремизмом. Таким образом, признание экстремистской некоторой группы или даже некоторого действия может влечь признание экстремистскими широкого круга организаций и СМИ, как-то сотрудничавших с теми, кто был признан экстремистами. А поскольку содействие экстремизму включено в определение экстремизма, применение этого признака экстремистской деятельности может теоретически распространяться до бесконечности.

Основной санкцией за экстремистскую деятельность является ликвидация организации или СМИ. Этому может предшествовать предупреждение (одно или более) о недопустимости экстремистской деятельности. Предупреждения организациям выносят регистрирующие органы, то есть Федеральная регистрационная служба (ФРС), а до 2004 года это делало Министерство юстиции. Предупреждения СМИ выносит Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Россвязьохранкультура), до 2004 года – Министерство печати, затем эти функции перешли к агентству с кратким названием Росохранкультура, которое с весны 2007 года объединено с другим в новое агентство – Россвязьохранкультура. И организациям, и СМИ может выносить предупреждения также и прокуратура.

Предупреждение выносится, если эти органы усмотрят экстремистскую деятельность, но предварительное предупреждение необязательно для ликвидации, если деятельность будет сочтена особо опасной. С иском о ликвидации обращаются в суд те же организации.

Предупреждение может быть оспорено в суде. Если организация или СМИ проигрывает при этом дело, а также если просто не обращается в суд в случае предупреждения, это само по себе может быть основанием для ликвидации. Это диковинное основание ни разу не применялось само по себе как достаточное. Но оно было упомянуто, среди прочих, в решении о запрете Национал-большевистской партии (НБП), вынесенном 19 апреля 2007 г. (см. ниже).

Не отмененное предупреждение рассматривается как признание соответствующего действия организации экстремистским, даже если суд не рассматривал это предупреждение. Это проявляется, например, в том, что в течение года такая организация лишена законом права выдвигать кандидатов в Общественную палату (это ограничение лишено практического смысла, так как Палата все равно не избирается, но в этой норме видно, что предупреждение означает фактически признание экстремистского характера действия).

Организация обязана официально отмежеваться от экстремистских действий членов своего руководства.

Деятельность организации может быть приостановлена без решения суда в порядке обеспечения иска о ликвидации – на срок до полугода или до прекращения замеченной экстремистской деятельности. Продолжение приостановленной деятельности является административным правонарушением (ст. 20.2.1 КоАП).

Организация, не имеющая регистрации (лишенная ее ранее или вовсе не имевшая), может быть запрещена за экстремистскую деятельность. В этом случае продолжение ее деятельности является уголовным преступлением (ст. 282-2 УК), максимальное наказание для организаторов – 3 года лишения свободы, для участников – 2 года.

Поправками 2007 года введено обязательство публиковать список организаций, признанных экстремистскими, но пока это сделано не было.

Отдельный человек может получить предостережение (не предупреждение) от прокуратуры, заметившей его экстремистскую деятельность, и может обжаловать предостережение в суде. Человека нельзя наказывать за экстремизм как таковой, если его

действия не предусмотрены КоАП или УК. Наказуемы, в частности, публичные призывы к экстремистской деятельности (ст. 280 УК). Отметим, что сама эта деятельность, как уже говорилось, не всегда уголовно наказуема, а вот срок по ст. 280 УК – до 3 лет лишения свободы, а если призывы опубликованы в СМИ – до 5 лет. (Если соотнести ст. 280 с определением экстремизма, получается, что, например, публичный призыв к изображению свастики может быть наказан несколькими годами лишения свободы, хотя само рисование свастики наказывается максимум десятью сутками ареста.)

Наказуемо публичное возбуждение ненависти и вражды (ст. 282 УК) – до 2 лет лишения свободы и даже до 5 лет, если это совершено с использованием насилия или угрозы насилием, или с использованием служебного положения, или же организованной группой. Наказуемо демонстрирование и распространение фашистской символики (ст. 20.3 КоАП) и массовое распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП).

Материал (печатный или любой иной по форме) признается экстремистским специальным решением суда (заведомо к таковым относятся только «труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии»). Список экстремистских материалов должен публиковаться; впервые это было сделано в июле 2007 года.

Закон 2002 года не содержал перечня преступлений, которые следует считать экстремистскими. Список «преступлений экстремистского характера» был приведен в ст. 282-1 УК, предусматривающей ответственность за создание «экстремистского сообщества», то есть группы, деятельность которой направлена на совершение таких преступлений, но этот список был явно неполон: он далеко не соответствовал широте определения экстремизма (поэтому Генеральная прокуратура для сбора статистики составила свой собственный список).

Поправки 2007 года установили, что «под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе (то есть в УК) понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса». Все такие преступления также являются экстремистской деятельностью.

Пункт «е» ст. 63 УК устанавливает, что совершение любого преступления при указанных обстоятельствах является отягчающим обстоятельством, что может повлечь более суровое наказание. Названный мотив является также квалифицирующим признаком, то есть обязательно влечет более суровое наказание, в 11 статьях УК – от убийства до вандализма.

Понятие «экстремизм» все шире распространяется в российском законодательстве. Оно было использовано, в частности, при внесении в начале 2006 года известных ограничительных поправок в законодательство о некоммерческих организациях (НКО). Человек, осужденный за экстремистскую деятельность, не может принимать участия в деятельности НКО. Понятие же «участие» в законе подразумевает любое участие в любой деятельности организации, что даже шире понятия «членства», так что эта норма создает потенциально очень мощное ограничение.

Реформа избирательного законодательства осенью 2006 года ввела норму, согласно которой за экстремистскую деятельность в ходе избирательной кампании кандидат (или партийный список) лишается судом права участвовать в выборах. Но главное – его можно лишить этого права также и за высказывания в прошлом, точнее, за срок, равный каденции, на которую он баллотируется (обычно это четыре года), если высказывания включали призывы к экстремистской деятельности или оправдание ее или были направлены на возбуждение национальной и т.п. розни (ст. 76 п. 7 «ж» закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в

соответствии с которым формируется все избирательное законодательство; этот пункт не применяется к высказываниям, сделанным до декабря 2006 года).

В СМИ при любом упоминании организации, ликвидированной или запрещенной за экстремистскую деятельность, должен под угрозой штрафа (ст. 13.15 КоАП) также упоминаться и факт ликвидации или запрета.

Анализ поправок 2006 года

Определение экстремизма было существенно расширено в июле 2006 года. Некоторые добавленные пункты были явно направлены на то, чтобы устранить имеющиеся несоответствия в законах, имеющих отношение к экстремизму, но поскольку поправки принимались в спешке, несоответствий стало только больше. В целом поправки заметно ухудшили и без того неудачный Закон 2002 года.

Основные дополнения определения экстремизма касались помех деятельности государства (и заодно общественных и иных объединений), связанных с насилием или угрозой насилия. Был внесен даже пункт о покушении на жизнь государственного или общественного деятеля (какой деятель считается общественным, российское законодательство не проясняет), хотя такой пункт входит по сути в пункт «террористическая деятельность».

Экстремизмом были признаны насильственные действия, направленные даже на отдельных государственных служащих, вне зависимости от мотива, контекста и степени опасности действия. По принятому летом 2006 года определению экстремизма даже угроза в адрес милиционера, прозвучавшая из уст задерживаемого пьяницы, должна была считаться экстремизмом. Если же угрозу в адрес любого государственного служащего произнес бы член руководства организации, это могло повлечь уже и санкции в ее адрес.

Экстремизмом было признано публичное оправдание терроризма и экстремизма. (Следует напомнить, что терроризм включается в экстремизм, так что в определении возник повтор.) Понятие «оправдание» было одновременно введено применительно к терроризму в УК (ст. 205-2 УК), а в примечании к статье сказано, что «в настоящей статье под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании». Но вряд ли это понимание должно было применяться к гораздо более широкому, не обязательно уголовному, предмету закона «О противодействии экстремистской деятельности», а ведь значение слова «оправдание» в русском языке гораздо шире, чем процитированное выше.

Поскольку «оправдание экстремизма» было включено в само определение экстремизма, это создавало логическую возможность преследовать «оправдание оправдания экстремизма» и далее до бесконечности – как и в случае «содействия экстремизму».

Экстремизмом стало также заведомо ложное обвинение «лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации при исполнении им своих должностных обязанностей» в преступной экстремистской деятельности. Конечно, всякая клевета криминальна, но этот пункт вызвал опасение у общественности, опасавшейся злоупотреблений в связи с его применением. К «лицам, замещающим государственную должность» относятся чиновники почти всех уровней и депутаты (федеральные и региональные).

Наконец, непонятно, зачем был включен в определение экстремизма почти дословный состав такого преступления, как дискриминация по признакам расы, языка и т.д. (ст. 136 УК). Как объект регулирования это преступление решительно выбивается даже из многообразного определения экстремизма. Возможно, законодатель хотел таким образом активизировать правоприменение по ст. 136, ныне практически отсутствующее; если так, результат достигнут не был.

В целом поправки производили впечатление направленных против уличных протестов любого рода, так как именно такого рода оппозиционные активисты часто совершают

действия, в которых можно усмотреть – добросовестно или нет – насилие или угрозу насилия по отношению к государственным органам или служащим. Признание любого эпизода экстремистским могло бы повлечь ликвидацию или запрет причастных к нему организаций, а также иные санкции.

Анализ поправок 2007 года

Поправки, принятые в июле 2007 года (вступили в силу 12 августа), носят комплексный характер. И их трудно оценить однозначно.

Среди поправок было несколько явно негативных для состояния гражданских свобод в стране. Во-первых, это упомянутая выше необходимость оговаривать наличие судебного решения при любом упоминании экстремистской организации. Во-вторых, это расширение права прослушивания телефонных разговоров – с подозреваемых и обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях – также и на тех, кого подозревают в преступлениях средней тяжести (таковых – большинство, в том числе и среди преступлений экстремистской направленности). Отметим, что та же норма в ст. 8 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» распространяет эту возможность также и на «лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях», то есть на очень широкий круг людей.

Поправки принципиально расширили понимание «преступления по мотиву ненависти» в российском УК, и эта новация весьма неоднозначна.

Ранее список мотивов ненависти как отягчающих обстоятельств при любом преступлении, зафиксированный в ст. 63 УК, был короток: «расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда» (слово «национальная» в российском праве понимается как «этническая»). Теперь список пополнен ненавистью или враждой политической, идеологической и «в отношении какой-либо социальной группы».

Расширение списка мотивов давно уже напрашивалось: например, убийства антифашистов неонацистами явно мотивированы политической или идеологической враждой, и этот мотив ранее невозможно было учесть в приговоре; то же относится к «идейным» убийствам бездомных или к нападениям на геев.

С другой стороны, понимание политической и идеологической вражды как отягчающего обстоятельства означает ужесточение санкций к преступлениям, даже малозначительным, совершенным в ходе любых политических и даже общественных акций, так как практически у любой акции есть какой-то противник, к которому участники акции испытывают вражду. Не видно аргументов, почему такое ужесточение сейчас необходимо: в имеющейся практике санкции за преступления на почве ненависти очень редко бывают максимальными, так что у прежних формулировок УК оставался еще немалый «запас строгости». Скорее наоборот: в сегодняшней России общественно-политическая сфера в целом страдает не от избытка политически мотивированных хулиганства, массовых беспорядков и осквернения памятников культуры, как бы ни были прискорбны такие эпизоды, а от чрезмерного давления и регулирования сверху.

Мотив ненависти в отношении социальной группы выглядит крайне неоперациональным, так как определения социальной группы в законодательстве нет, что открывает простор для полного произвола в правоприменении. Это уже было продемонстрировано в делах по ст. 282 УК, в которой этот мотив ненависти уже присутствует (с конца 2003 года). В правоприменительной практике на сегодняшний день существуют всего два вступивших в силу приговора, связанные с возбуждением вражды к социальной группе, под каковой понимались, соответственно, российская армия и правительство Республики Марий-Эл.

Мотив ненависти был переформулирован не только в ст. 63, но и во всех шести статьях, где он был квалифицирующим признаком, а также добавлен как таковой в новые пять статей: умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, угроза убийством или

причинением тяжкого вреда здоровью, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, хулиганство (ст. 213 УК). В последнем случае неудачная новая редакция статьи привела к тому, что даже мелкое хулиганство (предусмотренное КоАП), совершенное по мотиву ненависти, должно караться до пяти лет лишением свободы. Несомненно, именно это изменение УК может повлечь наиболее массовые чрезмерные санкции в отношении политических и идеологических манифестаций как расистского, так и любого иного идеологического толка: их часто можно счесть, и часто вполне оправданно, хулиганскими.

Отметим также, что расширение списка признаков ненависти не коснулось состава ст. 282 УК, то есть сама по себе пропаганда политической и идеологической вражды не криминализуется.

Были и определенно позитивные поправки. Так, правоохранительным органам была прямо запрещена провокация как метод расследования, причем по любым уголовным делам, а не только по имеющим отношение к экстремизму. А главное, поправки существенно изменили определение самой экстремистской деятельности и в целом – явно к лучшему.

Во-первых, в него были внесены все преступления, совершенные по мотиву ненависти.

Во-вторых, целый ряд пунктов был изъят из определения. Можно предположить, что одни были признаны слишком неопределенными, другие – дублирующими друг друга, третьи – относящимися фактически к иным сферам регулирования. Вот эти изъятые пункты (некоторые из них были добавлены только годом раньше):

- подрыв безопасности Российской Федерации;
- захват или присвоение властных полномочий;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- унижение национального достоинства;
- возбуждение социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- применение насилия в отношении представителя государственной власти, либо на угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей;
- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность.

Очень важно также, что «обоснование и оправдание экстремистской деятельности» перестало пониматься как экстремизм.

Были улучшены некоторые другие пункты:

- пункт о нарушении равноправия граждан был еще более приближен к ст. 136 УК («дискриминация»), хотя в целом этот пункт в законе – явно лишний;
- в пункт о «воспрепятствовании законной деятельности органов государственной власти» были добавлены также «органы местного самоуправления, ... общественные и религиозные объединения или иные организации»;
- экстремизмом на выборах считаются теперь помехи не только избиркомам, но и самим гражданам.

С другой стороны, в одном из наименее внятных пунктов определения – о «разжигании розни» по тому или иному групповому признаку – была изъята оговорка о связи с насилием или призывами к насилию, относившаяся к «разжиганию социальной розни». Неопределенность последнего понятия без этой оговорки чревата злоупотреблениями.

В целом, поправки 2007 года качественно улучшили определение экстремистской деятельности. Хотя в нем осталось немало несообразностей, теперь оно стало заметно операциональнее и содержит гораздо меньше пунктов, направленных на неправомерное ограничение гражданских прав и свобод.

Расширение мотива ненависти в УК открывает столь значительные возможности и для правомерного, и для неправомерного применения, что оценивать это изменение в целом пока, видимо, преждевременно. Следует присмотреться к практике правоприменения, хотя тенденции, наблюдаемые в последний год в практике применения антиэкстремистского законодательства (см. далее), заставляют опасаться, что негативных последствий у данной реформы УК может оказаться больше, чем позитивных. Особенно, повторим, это относится к изменению статьи «хулиганство».

Применение уголовных санкций

Здесь, в соответствии с новым определением экстремизма, мы будем учитывать ст. 282 УК (возбуждение ненависти) и все преступления, совершенные по мотиву ненависти, как преступления экстремистской направленности.

Правоприменение по такого рода преступлениям за пять лет действия Закона 2002 года начиналось с почти нулевого уровня, но постоянно росло (хотя оно и не сравнимо пока с количеством совершаемых преступлений). С другой стороны, этот рост не был, как правило, напрямую связан с появлением самого закона 2002 года, так как тот лишь в малой степени коснулся УК, так что определенные успехи в деле противодействия преступлениям на почве ненависти не стоит объяснять принятием Закона 2002 года.

Центру «СОВА» известны 4 обвинительных приговора за насильственные преступления, учитывающих мотив ненависти, в 2003 году, 9 таких приговоров – в 2004 году, 17 – в 2005-м, 33 – в 2006-м, 11 – за первую половину 2007 года. Росло и число осужденных по этим приговорам. Так, в 2005 году было осуждено около 55 человек, в 2006-м – около 110, а за первую половину 2007-го – 22. Конечно, это очень мало в сравнении с количеством совершающихся преступлений на почве ненависти, но в целом прогресс в правоприменении очевиден.

Все эти приговоры были вынесены либо с использованием квалифицирующих признаков в соответствующих статьях УК, либо с использованием п. «а» ч. 2 ст. 282 УК (что, на наш взгляд, как правило, является неверной квалификацией). Мотив ненависти какотягчающее обстоятельство (п. «е» ст. 63 УК) не был учтен ни в одном известном нам приговоре.

Сокращается, но все еще сохраняется практика вынесения приговоров без учета мотива ненависти даже за явно расистские нападения, а также вынесения условных приговоров преступникам, совершившим довольно серьезные или даже неоднократные нападения.

Очень медленно формируется практика по применению введенной в 2002 году ст. 282-1 УК («создание экстремистского сообщества»). В 2005 году было вынесено 2 приговора (раньше не было ни одного), в 2006-м – 3, в первой половине 2007-го – 1. Между тем множество неонацистских и подобных им группировок, на наш взгляд, вполне подходят для применения ст. 282-1 УК.

Зато ст. 282-2 УК применяется достаточно широко, но почему-то приговоры по ней пока выносились в отношении членов (реальных или предполагаемых) только одной запрещенной организации – «Хизб ут-Тахрир». Эта радикальная исламистская организация была запрещена решением Верховного суда 14 февраля 2003 г. (наряду с 14 другими) не за свою пропаганду (что, в принципе, было бы возможно), а как террористическая, хотя «Хизб ут-Тахрир» сама не практикует насилия. Эта явная судебная ошибка до сих пор не устранена и повлекла уже множество сомнительных процессов, в ходе которых «тахрировцев»

осуждали по ст. 282-2 и даже по ст. 205-1 («вовлечение в террористическую деятельность»). По членам остальных запрещенных за экстремизм организаций, например, некоторых региональных организаций Русского национального единства (РНЕ), приговоров по этой статье не было ни одного. И только недавно обвинение по ней предъявлено нескольким активистам РНЕ в Татарстане.

Заметно расширяется правоприменение по ст. 282 УК за возбуждение вражды и ненависти, за вычетом применения ст. 282 к насильственным преступлениям. Не во всех случаях нам известны обстоятельства дела, так что не всегда можно утверждать, что приговор был правомерен, или наоборот. Более или менее достоверно нам известно о правомерно, на наш взгляд, вынесенных 3 приговорах в 2004 году, 12 приговорах – в 2005-м, 17 – в 2006-м и уже 13 – за первую половину 2007 года. За редкими исключениями, приговоры не были связаны с реальным лишением свободы, и мы полагаем, что это правильно. Позитивным является также и то, что условные приговоры постепенно сменяются реальными – штрафами, исправительными работами и временными запретами на журналистскую и издательскую деятельность.

Неправомерное применение статей УК

Основной антиэкстремистской статьей в глазах общественности остается ст. 282 УК («возбуждение ненависти и вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Даже само понятие «экстремизм» чаще всего ассоциируется с ее составом, хотя это далеко не так. Скорее уж основной антиэкстремистской статьей должна считаться ст. 280 УК («публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»).

Первым явно неправомерным приговором по ст. 282 стал приговор организаторам выставки «Осторожно, религия!», вынесенный 28 марта 2005 г. На выставке были представлены произведения современного искусства, обыгрывающие христианскую символику, и эта выставка была воспринята многими верующими как оскорбительная. Вопрос о ее запрете не рассматривался, может быть, потому, что она была быстро разгромлена радикальными православными активистами. Вместо этого организаторам было предъявлено обвинение в возбуждении религиозной и почему-то даже национальной (то есть этнической) ненависти – к православным и к русским соответственно. Приговор был основан на экспертных заключениях, крайне идеологизированных и весьма далеких от принципа светскости государства¹. Юрий Самодуров и Людмила Васильевская были приговорены к штрафу в 100 тыс. руб. каждый. Можно спорить о том, насколько оскорбительны были экспонаты выставки и насколько правомерным могло бы быть ее запрещение, но оскорбление религиозных чувств не образует состава преступления по ст. 282 УК. В связи с этим приговором возникли подозрения, что он был мотивирован не только защитой чувств верующих, но и правозащитной деятельностью Центра и Музея им. А.Д. Сахарова, который возглавляет Ю. Самодуров.

В июне 2007 года было возбуждено аналогичное дело по ст. 282 по факту еще одной выставке в Музее им. А.Д. Сахарова – «Запретное искусство-2006».

Вторым, еще более неправомерным приговором можно считать приговор руководителю Общества российско-чеченской дружбы (ОРЧД) правозащитнику Станиславу Дмитриевскому, вынесенный 3 февраля 2006 г. за публикацию в его газете «Право-защита» обращений Аслана Масхадова и Ахмеда Закаева. Оба эти текста, разумеется, тенденциозны и резко критичны по отношению к политической власти России, но не содержат никаких элементов возбуждения ненависти по этническому признаку; тем более не было оснований

¹ Полный текст этого приговора заслуживает внимания. См.: Опубликован полный текст приговора по делу организаторов выставки «Осторожно, религия!» // Центр «СОБА». Религия в светском обществе. 2005. 31 марта (http://religion.sova-center.ru/events/13B74CE/13DC3A3/533A18D?pub_copy=on)

обвинять в этом публикатора текстов. Однако Дмитриевский был приговорен к двум годам лишения свободы условно.

Третий такой приговор был вынесен 25 декабря 2006 г. Виктору Танакову, активисту марийского национального движения и потомственному жрецу языческой религии народа мари. В своей брошюре «Жрец говорит» Танаков критиковал республиканские власти, утверждал превосходство своей религии над другими религиями и «цивилизациями», но не возбуждал ненависти по отношению к иноверцам или к людям иного происхождения. Помимо неправомерных обвинений в возбуждении этнической или религиозной ненависти, Танаков был признан виновным также в возбуждении вражды к социальной группе, под которой подразумевались члены правительства Республики Марий-Эл.

Столь широкое понимание термина «социальная группа» вызывает дополнительные серьезные сомнения в правосудности приговора. Сходным можно считать дело по ст. 282 УК, которое было возбуждено в Республике Коми против рок-музыканта Саввы Терентьева, автора грубого комментария в адрес коррумпированных милиционеров, сделанного в Живом Журнале: Терентьев был явно неправомерно обвинен в возбуждении вражды ко всей социальной группе милиционеров и, несмотря на ничтожность повода и общественный резонанс этого дела, 9 августа 2007 г. ему было предъявлено обвинение.

Менее выразительным примером той же тенденции следует считать приговор, вынесенный московскому активисту Борису Стомахину 20 ноября 2006 г., но этот приговор² примечателен в другом смысле. «Социальной группой», в возбуждении вражды к которой был признан виновным Стомахин, оказалась «российская армия». Сам по себе факт возбуждения вражды к армии и к русским как к этнической общности мы считаем доказанным, хотя эти высказывания Стомахина не выглядят действительно общественно опасными. Убедительнее обвинение Стомахина по ст. 280 УК, так как он публично призывал чеченских сепаратистов совершать новые террористические атаки и одобрял уже совершившиеся. Но наказание, назначенное Стомахину (5 лет лишения свободы) беспрецедентно строго для практики по ст.ст. 280 и 282, и это особенно странно, учитывая крайнюю непопулярность бюллетеня и веб-сайта, в которых публиковались тексты Стомахина. Возникает подозрение, что приговор Стомахину оказался столь строг именно из-за содержательного отличия его пропаганды от пропаганды других приговоренных по этим статьям – неонацистов, расистов и т.д.

Если в деле Стомахина обвинение по ст. 280 УК следует считать правомерным, то в некоторых других делах оно вызывает серьезные сомнения. Так, башкирские оппозиционеры Айрат Дильмухаметов и Виктор Шмаков обвиняются по ч. 2 ст. 280 и по ч. 1 ст. 212 («организация массовых беспорядков») за публикации в газете «Провинциальные вести», которые рассматриваются башкирскими властями как подстрекательские. Однако никаких беспорядков на самом деле не происходило, и оценка инкриминируемых публикаций как подстрекательских столь проблематична, что экспертизы до сих пор не завершены, хотя речь идет о событиях 2005 года.

4 мая 2007 г. суд города Рыбинска направил на принудительное психиатрическое лечение известного в 90-е годы публициста Андрея Новикова, обвиняемого по ст. 280. Среди статей, включенных в обвинительное заключение, только две, насколько нам известно, были доступны в интернете, и в них не содержалось никаких призывов. Призывы к насильственным действиям можно усмотреть в других инкриминированных Новикову текстах, но, судя по всему, они никогда не были опубликованы.

² Полный текст приговора см.: Приговор Борису Стомахину // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 30 ноября (<http://xeno.sova-center.ru/4DF39C9/85671E4>).

Санкции в отношении организаций

С середины 2002 года в России было ликвидировано, то есть лишено регистрации, немало организаций, которые могли бы быть сочтены экстремистскими, в том числе организаций националистического толка. Но в подавляющем большинстве случаев эти решения были приняты не за нарушение Закона 2002 года, а за иные, более формальные, нарушения (непредставление отчетов и т.д.). Это относится, в частности, к известному случаю ликвидации Национально-державной партии России (НДПР) в 2003 году: она не успела в срок зарегистрировать должное количество региональных отделений. Претензии такого рода не всегда носили достаточно обоснованный характер (случай с НДПР тоже стоит признать спорным) и были зачастую явно избирательными. Такие санкции под видом формальных претензий, хотя и препятствуют деятельности общественно-опасных группировок, но одновременно заметно дискредитируют политику властей в этом вопросе.

Выше мы уже отмечали решение Верховного суда 2003 года о запрете 15 организаций как террористических. Это решение было принято фактически в закрытом режиме, и до сих пор нет его официальной публикации. Таким образом, общество не имеет возможности полноценно обсуждать это решение и составить себе представление, во всех ли случаях оно было обоснованным.

Выделяется также ряд ликвидаций организаций за единственное собственно «экстремистское» нарушение – использование символики, сходной со свастикой. Так были, в частности, мотивированы решения о ликвидации некоторых организаций РНЕ. Здесь можно усмотреть спорное применение закона, так как символ РНЕ, хотя и похож на нацистскую свастику и это сходство несомненно связано именно с определенным идеологическим родством, но все же нельзя сказать, что «коловрат» РНЕ похож на свастику «до степени смешения», как требует закон.

Но были и единичные случаи вполне правомерной ликвидации организаций как экстремистских. Это относится к группе неоязыческих организаций так называемых староверов-инглингов в Омске (2004 год) и двух небольших группировок в Краснодарском крае (2006 год).

Неправомерное применение санкций против организаций

Наиболее известный случай ликвидации явно не экстремистской организации по Закону 2002 года – это ликвидация Общества российско-чеченской дружбы. Однако, в этом случае закон как раз был соблюден. ОРЧД было ликвидировано решением суда 13 октября 2006 г. (решение вступило в силу после подтверждения Верховным судом РФ 23 января 2007 г.), поскольку лидер ОРЧД С. Дмитриевский был признан виновным в преступлении экстремистской направленности, а ОРЧД не отмежевалось от него, как требует Закон 2002 года, и не вывело его из руководящих органов, как с 2006 года требует законодательство об общественных организациях. В основе формально верного решения о ликвидации ОРЧД лежит неправосудный приговор самому Дмитриевскому.

Не столь однозначно было воспринято обществом решение Московского городского суда, 19 апреля 2007 г. запретившего Национал-большевистскую партию (НБП) как экстремистскую. 7 августа Верховный суд утвердил это решение и оно вступило в силу.

Деятельность НБП связана с целым рядом действий, которые можно квалифицировать как мелкое политическое хулиганство (их акции по оккупации некоторых государственных учреждений были квалифицированы судами, на наш взгляд, преувеличенно, как уголовные преступления, что привело более 30 членов партии за решетку). Активисты НБП иногда попадались и на более серьезных преступлениях, включая хранение оружия. В прошлом НБП на разных уровнях вело пропаганду, которую можно было характеризовать как подстрекательскую к насилию или расистскую. В этом смысле решение о закрытии партийной

газеты «Лимонка» в 2002 году было правомерно, отчасти правомерно было и решение о закрытии в 2005 году преемницы «Лимонки» – «Генеральной линии». Впрочем, в последние несколько лет эпизодов, связанных с реальным применением насилия и с пропагандой этнической и расовой ненависти, в деятельности НБП становится все меньше (хотя русский этнический национализм, пусть в более мягких формах, НБП по-прежнему присущ). Похоже, следует также отметить, что все заметнее становится ее роль в оппозиционной коалиции «Другая Россия».

Само решение о запрете НБП (организация и так не имела официальной регистрации) основывалось на трех ранее вынесенных ей предупреждениях. Два из них связаны с вторжением на заседания петербургского Законодательного собрания (ЗАКС) и на предвыборный участок в Московской области. Члены партии нарушали ход работы ЗАКСа и местного избиркома, но насилие применили лишь в минимальной степени. Третье предупреждение связано с действительно общественно опасными публикациями в одной из региональных газет НБП, но ответственные за это люди давно ушли из НБП, как и многие другие убежденные националисты, недовольные новым политическим курсом НБП. Представляется, что этих трех эпизодов не может быть достаточно, чтобы запретить деятельность столь большой организации (не говоря уж о весьма существенных процессуальных нарушениях, связанных с этим запретом)³.

На время судебного разбирательства деятельность НБП была с 21 марта 2007 г. приостановлена решением Московской прокуратуры. Однако НБП продолжала активную деятельность, и административные штрафы за это (предусмотренные ст. 20.2.1 КоАП) практически никогда не налагались.

Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о ликвидации, а о запрете. Это означает, что с момента вступления решения в силу любое действие от имени НБП подпадает под ст. 282-2 УК. Всякое же содействие НБП (или то, что можно считать содействием) может также считаться экстремистской деятельностью, что чревато санкциями в адрес других организаций и СМИ.

Примером того, как такие санкции возникают, может служить инцидент с обвинением в экстремизме общества «Мемориал». В феврале 2006 года общество получило предупреждение о недопустимости экстремистской деятельности за публикацию на своем веб-сайте заключения муфтия Нафигуллы Аширова на четыре брошюры партии «Хизб ут-Тахрир». Аширов не усмотрел в этих текстах ни призывов к насилию, ни возбуждения религиозной и национальной ненависти. Впрочем, Аширов не высказывался в поддержку «Хизб ут-Тахрир» и даже не цитировал их документы. Если он был и неправ, то сам его текст не призывал ни к каким действиям и не оправдывал каких-то экстремистских действий. Таким образом, экстремистской деятельностью московская прокуратура сочла де-факто просто выражение несогласия с Верховным судом. Аширов и «Мемориал» пытались оспорить предупреждение, но проиграли в суде.

Еще до того, как решение о запрете НБП вступило в силу, целый ряд организаторов массовых мероприятий получил предостережения за сотрудничество с НБП, причем эти предостережения ссылались не на факт приостановки деятельности НБП, а именно на решение о запрете или даже на давнее решение о ликвидации НБП, принятое по формальным причинам и не ограничивающее де-факто ее деятельность. (Впрочем, предостережение частному лицу не имеет само по себе юридических последствий, в отличие от предупреждения организации, и некоторые из этих предостережений были успешно оспорены в суде.)

Почему-то большую роль в этих эпизодах играл флаг НБП, который признают сходным с нацистским. Действительно, флаг НБП отличается от флага НСДАП только тем, что в круге расположена не свастика, а серп и молот, и такое сходство, конечно, не случайно.

³ См. подробный комментарий на это судебное решение: Верховский А. Почему следует отменить решение о запрете НБП // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2007. 4 августа (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/99C0ACC>).

Но верно и то, что указанное различие не позволяет говорить, что эти два флага схожи «до степени смешения», как сказано в определении экстремистской деятельности и в ст. 20.3 КоАП. Различие флагов НБП и НСДАП уже дважды подтверждалось в судах, отменявших санкции, наложенные в связи с использованием флага (в 2003 году – в Нижнем Новгороде и в 2007 году – в Арзамасе).

Важно отметить предупреждение, вынесенное прокуратурой в мае 2007 года Краснодарскому региональному отделению партии «Яблоко» за распространение книг политолога Андрея Пионтковского. Первоначально суд отменил это предупреждение, возможно, потому, что книги Пионтковского свободно продаются в России, и их автору не было тогда предъявлено никаких претензий. Но затем органы прокуратуры подготовились лучше, и 14 августа тот же суд подтвердил правомерность предупреждения, а в Москве через день начался судебный процесс о признании двух книг Пионтковского экстремистскими материалами. Возможно, это дело связано с грядущей кампанией по выборам в законодательное собрание Краснодарского края (сами выборы ожидаются 2 марта 2008 г.).

Стоит также упомянуть отказ в регистрации на основании явно вымышленной экстремистской деятельности. В Тюменской области отделение ФРС отказало в регистрации организации ЛГБТ (то есть сексуальных меньшинств), мотивируя отказ тем, что предполагаемая деятельность «может повлечь подрыв безопасности российского общества и государства», поскольку «подрываются суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации в силу сокращения ее населения». ФРС 18 апреля 2007 г. подтвердила на федеральном уровне это нелепое решение, и теперь оно оспаривается в суде (впрочем, исход спора предreshен недавним исключением пункта о «подрыве безопасности» из определения экстремизма).

Санкции в отношении СМИ

Закон 2002 года создал чрезвычайно легкий механизм закрытия СМИ. Этому способствовала расплывчатость определения экстремизма: при достаточно низком уровне политкорректности в российских СМИ среди множества материалов, появляющихся в многочисленных номерах любой газеты, нетрудно было бы найти хоть пару статей, которые соответствовали бы, например, пункту об «унижении национального достоинства».

За такие провинности издание можно закрыть даже без предварительных предупреждений. Однако Росохранкультура добровольно возложила на себя ограничение – выносить не менее двух предупреждений прежде, чем ставить вопрос о закрытии издания⁴, и, как правило, этому самоограничению следует.

Видимо, неуверенность в применении определения экстремизма привела к тому, что после принятия закона количество закрытых за экстремизм изданий оказалось в среднем меньше, чем их было по аналогичным мотивам накануне. Нам известны только два издания, закрытых по Закону 2002 года за возбуждение этнической ненависти и призывы к экстремистской деятельности: «Русская Сибирь» (вполне правомерно) и «Генеральная линия» (спорный случай), хотя исков о закрытии изданий было больше.

Основной формой давления на СМИ, который практикует Росохранкультура (теперь Россвязьохранкультура), является вынесение предупреждений. Часть редакций пытается оспаривать предупреждения в суде, и часть таких исков редакции выигрывают. В среднем предупреждения не влияют решительным образом на линию, проводимую редакцией. Скорее можно сказать, что предупреждения (особенно если их более одного) являются индикатором и одним из инструментов неформального давления на издание. Такое давление иногда приводило к прекращению выхода издания или к сохранению только интернет-версии.

⁴ Борис Боярсков: Нас не устраивает нечеткость критериев. В работе Федеральной конкурсной комиссии грядут изменения // Независимая газета. 2005. 29 ноября (<http://www.rosohrancult.ru/publications/17/>).

Общее количество предупреждений, связанных с экстремистской деятельностью, неизвестно, так как предупреждения выносят и Россвязьохранкультура, и прокуратура, а статистика последней совершенно непрозрачна. Например, в 2006 году Росохранкультура вынесла, согласно ее отчету, 39 предупреждений, не отмененных в суде⁵.

Неправомерное применение санкций против СМИ

Пока не было случаев явно неправомерного закрытия изданий, но предупреждения нередко выносятся неправомерно. Так, из упомянутых 39 предупреждений Росохранкультуры за 2006 год нам известно 6 неправомерных (при этом не все 39 случаев известны нам в достаточной степени, чтобы их оценивать). Стоит отметить и недавнее, вынесенное в конце августа 2007 года, предупреждение газете «Известия»: статья Д.Соколова-Митрича об этнических проблемах в Якутии вряд ли может быть названа объективной и вряд ли способствует толерантным отношениям в республике, но и экстремистской ее счесть очень трудно⁶.

Как правило, неправомерные предупреждения возникают из-за чрезмерно буквалистского подхода к норме закона. Так, из этих шести предупреждений два были вынесены за использование свастики в качестве иллюстрации, но в этих случаях свастика иллюстрировала явно антифашистские материалы, а такое употребление свастики вполне принято в культурной традиции и обычно, справедливо, не преследуется. Но сам закон в этом пункте никаких оговорок, действительно, не содержит.

Значительное количество случаев давления на СМИ связано с явно расширительным пониманием необходимости защищать такую общественную ценность, как этническая и религиозная толерантность. Определение экстремизма в этой части особенно легко поддается расширительной интерпретации.

Наиболее значительная серия эпизодов, в феврале 2006 года, была связана с так называемым карикатурным скандалом. Датские карикатуры на пророка Мухаммеда были воспроизведены в некоторых изданиях как иллюстрация к дискуссии вокруг этого скандала. Два издания получили за это предупреждения от Росохранкультуры. В отношении редактора еще одной газеты – «Наш регион +» (Вологда) – было возбуждено уголовное дело. Газета была после этого закрыта ее владельцем, а главный редактор Анна Смирнова была осуждена по ст. 282 УК на выплату штрафа в 100 тыс. руб. К счастью, суд второй инстанции оправдал Смирнову, но газета (заметим, независимая от губернатора области) перестала выходить.

В Волгограде почти одновременно получила предупреждение от прокуратуры и также была закрыта владельцем, городским муниципалитетом, газета «Городские вести». В этом случае речь шла о собственном рисунке, на котором были изображены основатели четырех мировых религий; этот рисунок не только независимые эксперты, но и религиозные деятели не считали оскорбительным. Таковым его сочло местное отделение партии «Единая Россия», а за ним – прокуратура. Газета была вскоре восстановлена муниципалитетом. Эта история является примером, увы, отнюдь не единственным, недобросовестной и отнюдь не безвредной политической саморекламы на тему «борьбы с экстремизмом».

Параллельно была предпринята попытка ликвидировать, причем без предварительных предупреждений, алтайское информационное агентство «Банкфакс» – всего лишь за одно нетолерантное высказывание на веб-форуме издания (к тому же оперативно удаленное оттуда редакцией). «Банкфакс» окончательно выиграл это дело только в Верховном суде РФ 12 сентября 2006 г. Прекращены были также попытки уголовного преследования сотрудников агентства и автора той самой реплики. Но это известное дело произвело

⁵ Что не совсем верно, так как судебные разбирательства часто затягиваются. Как минимум одно из этих предупреждений было удачно оспорено в 2007 году.

⁶ Более подробный комментарий см.: «Известиям» вынесено предупреждение о недопустимости экстремистской деятельности // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2007. 27 августа (<http://xeno.sova-center.ru/89CCE27/89CD1C9/9BAAB62>).

заметное впечатление на журналистское сообщество и особенно на интернет-сообщество, так как до этого не было попыток уголовного преследования за высказывания на веб-форумах (см. выше дело С. Терентьева) и тем более – преследования владельцев форумов за реплики на них (позже уголовные преследования за реплики на веб-форумах и в блогах были, но по существу обвинений их нельзя определенно отнести к неправомерным).

Экстремистским может быть сочтен даже нейтральный репортаж о деятельности националистических группировок. За серию таких репортажей и за интервью с лидером местных националистов Юрием Екишевым, разоблачающее демагогичность его националистических лозунгов, Росохранкультура вынесла в 2006 году газете «Зырянская жизнь» предупреждение о недопустимости публикации экстремистских материалов. Издание потеряло источники финансирования и было вынуждено прекратить выпуск бумажной версии. Затем газету попытались вовсе закрыть – всего лишь за воспроизведение некорректных высказываний республиканского омбудсмана в интервью с ним. К счастью, иск Росохранкультуры был уже в кассационном рассмотрении отклонен 5 июня 2007 г. Верховным судом республики.

Наконец, говоря о неправомерном давлении на СМИ, стоит отметить странную практику, впервые проявившуюся весной 2007 года. По сложившейся традиции, при изучении издания на предмет наличия в нем экстремистских публикаций проводится экспертиза (лингвистическая, социопсихологическая или иная). Но в отношении изданий «Другой России» было уже несколько случаев, когда под предлогом необходимости провести такую экспертизу изымались десятки экземпляров, а то и весь наличный тираж издания.

Иные виды санкций

В этом разделе мы не выделяем в отдельные подразделы неправомерное правоприменение, поскольку по каждому подвиду описанных ниже антиэкстремистских санкций практики довольно мало.

Признание материалов экстремистскими

Закон 2002 года дал возможность запрещать те или иные тексты (а также фильмы или иные материалы). Судебное решение о признании текста экстремистским влечет запрет на его массовое распространение (ст. 20.29 КоАП). Впрочем, обойти этот запрет легко, так как запрещается не произведение как таковое, а его конкретная публикация.

Решений такого рода до сих пор очень мало: нам известно около 20. Похоже, суды просто забывают признать экстремистскими те материалы, за распространение которых они осуждают людей или запрещают организации.

Требуемый Законом 2002 года федеральный список экстремистских материалов был впервые опубликован 14 июля 2007 г. и оказался неполон (включал только 14 материалов). Фактически, до опубликования этого списка ст. 20.29 КоАП и не могла применяться.

Степень общественной опасности уже запрещенных материалов сильно рознится. Во многих случаях в ней стоило бы усомниться. Среди прочего, сомнения вызывает запрет в апреле 2004 года книги «Основы единобожия», автор которой – основатель ваххабизма Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб: странно запрещать религиозный трактат XVIII века.

Но наибольшее беспокойство вызывает решение, принятое 21 мая 2007 г. Коптевским судом г. Москвы, считать экстремистскими русские переводы 14 книг известного турецкого богослова XX века Саида Нурси. Конечно, Нурси – антисекулярный автор, но он – широко признанный мусульманский богослов, его книги не запрещены и в самой Турции, и нет никаких оснований считать, что его последователи в России представляют собой экстремистские сообщества. Это решение вступило в силу 18 сентября, и есть опасность, что

эти группы можно будет запретить как экстремистские только на основании распространения книг их религиозного учителя.

Запреты в ходе избирательных кампаний

Случаев лишения регистрации кандидатов и партийных списков за экстремистскую деятельность в России почти нет, хотя некоторые кандидаты вели в последние годы радикально-расистскую агитацию. Например, в ходе выборов мэра Москвы в 2003 году Мосгорсуд отказался лишить регистрации Германа Стерлигова, в своей телерекламе призывавшего депортировать азербайджанцев и других «инородцев» из города и даже грозившегося их расстрелять.

Единственный широко известный и, действительно, самый значимый случай – это лишение регистрации списка партии «Родина» на выборах в Мосгордуму осенью 2005 года. Основанием послужил рекламный телеролик «Очистим наш город от мусора!», в котором суд с полным основанием усмотрел возбуждение этнической ненависти и вражды. Можно спорить, следует ли считать этот единственный эпизод достаточным основанием для отстранения от выборов; закон не позволяет разрешить этот спор, решение остается на усмотрение суда.

Но зато нет никаких сомнений в том, что это решение было политически избирательным. Во-первых, за не менее ксенофобную предвыборную агитацию (и главное – принципиально сходную с агитацией «Родины») не лишился тогда регистрации список партии ЛДПР, как и вообще ЛДПР ни разу не была отстранена от выборов за подобные действия. Во-вторых, в течение нескольких месяцев 2006 года «Родина» была отстранена от выборов во всех, кроме одного, регионах, где она пробовала в них участвовать, причем как из-за претензий к агитации, так и по чисто формальным основаниям.

Именно на выборах наиболее наглядным бывает злоупотребление в апелляциях к антиэкстремистскому законодательству и часто ему сопутствующее злоупотребление антифашистской риторикой, хотя, конечно, это нередко случается и помимо выборов (наиболее известен пример движения «Наши», которое в записывает «пособники фашистов» всех своих политических противников). На упомянутых московских выборах 2005 года «Родина» и ЛДПР подали аналогичные иски друг против друга, и этот случай – не единственный.

Административные запреты и вмешательство

Руководствуясь ст. 20.3 КоАП, сотрудники милиции неоднократно изымали из продажи газеты и книги, на которых видели свастику или похожие символы. Бывали случаи применения административных санкций за публичное отдавание нацистского салюта. Такие санкции неизбежно остаются эпизодическими, но оказывают определенное давление на ультранационалистическую среду.

Некоторые случаи применения административных санкций вызывают сомнения. Помимо упомянутых выше явно незаконных изъятий тиражей газет «на экспертизу» и предостережений разным активистам в связи с использованием ими или их коллегами флагов НБП, стоит отметить произвольное употребление термина «экстремист» государственными чиновниками. Хотя организация может быть признана экстремистской только решением суда, известны случаи, когда прокуратура письменно называла экстремистскими просто оппозиционные (например, крайне правые или крайне левые) организации.

Приложение. Определение экстремизма

Ниже мы приводим определение экстремистской деятельности, как оно дано в п. 1 ст. 1 закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Точнее, мы пытаемся показать всю динамику изменений определения экстремистской деятельности:

- ныне действующая норма дана жирным шрифтом;
- фрагменты, удаленные поправками 2007 года, даны обычным шрифтом и зачеркнуты;
- добавленные теми же поправками – подчеркнуты;
- фрагменты, добавленные поправками 2006 года, даны курсивом (некоторые из них удалены в 2007 году).

Кое-где изменения носили редакционный характер, тогда это отмечено в сноске.

Экстремистская деятельность (экстремизм):

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

~~подрыв безопасности Российской Федерации;~~

~~захват или присвоение властных полномочий;~~

~~создание незаконных вооруженных формирований;~~

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность⁷;

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

~~унижение национального достоинства;~~

~~осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;~~

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

~~нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии⁹ или социальным происхождением;~~

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

~~воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;~~

~~применение насилия в отношении представителя государственной власти, либо на угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей;~~

⁷ Небольшая редакционная правка в 2007 году.

⁸ Эта оговорка относилась исключительно к возбуждению социальной розни.

⁹ Вместо «религиозной принадлежности» и «отношения к религии» до поправок 2007 года там указывалось просто «вероисповедание».

~~посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;~~

совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

~~публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения¹⁰, а также публичные призывы и выступления, побуждающие к осуществлению указанной деятельности, обосновывающие либо оправдывающие совершение деяний, указанных в настоящей статье;~~

публичное заведомо ложное обвинение¹¹ лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению¹²;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их планировании, организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи или оказания информационных услуг, иных материально-технических средств.

¹⁰ Фраза о «материалах» до поправок 2007 года звучала так: «создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных настоящей статьей».

¹¹ До поправок 2007 года было написано просто: «публичную клевету», что в уголовном праве синонимично.

¹² До поправок 2007 года определение начиналось фразой, относящейся ко всему последующему: «деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на...».